

УДК 330.8

*Л. Д. Широкопад*

## **ПРЕПОДАВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ: НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП**

Преподавание политической экономики в Санкт-Петербургском университете в первой половине XIX в. имеет не только свою историю, но и предысторию. Дело в том, что наш университет возник не внезапно, в один прекрасный момент, как Афродита из пены морской. Идея Санкт-Петербургского университета родилась задолго до 1819 г. и воплощалась в жизнь постепенно, поэтапно. В «Похвальном слове Петру Великому...», прочитанном экстраординарным профессором А. Никитенко, который, кстати, вплоть до 1824 г., т. е. первые 19 лет своей жизни, был крепостным Шереметева, в торжественном собрании Санкт-Петербургского университета в день открытия его в бывшем здании Двенадцати коллегий 25 марта 1838 г. отмечалось, что «первый Русский Университет существовал уже в уме Петра. До времени Он слил две формы высшего образования в одну, потому что того требовали современные Ему нужды государственные» [14, с. 9–10].

Активное продвижение по пути решения выдвинутой Петром I задачи создания университета в столице началось после восшествия на престол Александра I. Государство в то время остро нуждалось в высококвалифицированных кадрах управленцев, хозяйственников, ученых, без активного участия которых осуществить намеченные императором реформы в различных сферах общественной жизни было бы невозможно. Однако для образования полноценного университета в начале XIX в. необходимых условий еще не было. Поэтому начали с преобразования в апреле 1804 г. существовавшей в Петербурге Учительской гимназии в Педагогический институт.

В утвержденных 16 апреля 1804 г. «Предварительных правилах народного просвещения» указывалось, что Педагогический институт следует рассматривать как «отделение имеющего учредить в С.-Петербурге университета» (цит. по: [15, с. XIII]). Профессор Е. Ф. Зябловский, сменивший 31 октября 1821 г. М. А. Балугьянского на посту ректора Санкт-Петербургского университета, отмечал, что в то время в России педагогические

---

**Леонид Дмитриевич ШИРОКОПАД** — д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории Экономического факультета СПбГУ, заслуженный деятель науки РФ. В 1961 г. окончил Экономический факультет ЛГУ. Кандидатскую диссертацию защитил в 1965, докторскую — в 1981 г. Сфера научных интересов — история экономической мысли, методологические проблемы экономической теории. Автор более 100 научных работ, в том числе трех монографий.

© Л. Д. Широкопад, 2009

институты должны были существовать при каждом российском университете (см.: 4, с. 38)]. «Предварительные правила...» предполагали, в частности, что в Педагогическом институте должна преподаваться политическая экономия [15, с. XII]. Поскольку преподавать в учебном заведении университетского типа в России было практически некому, многие профессора были приглашены из-за границы. В Санкт-Петербургский педагогический институт были приглашены «карпато-россы» из Австрии. Среди них был и М. А. Балугьянский, который приехал в Петербург 4 февраля 1804 г. Еще 1 августа 1803 г. он был назначен ординарным профессором по кафедре политической экономии в Учительской гимназии. В должности ординарного профессора он оставался и после ее преобразования в Педагогический институт (16 апреля 1804 г.), а последнего — в Главный Педагогический институт (23 декабря 1816 г.). Интересно, что в официальных бумагах, подписанных министром духовных дел и народного просвещения в 1819 г., говорилось о «бывшем Главном Педагогическом институте, что ныне С.-Петербургский университет» [8, с. 26].

М. А. Балугьянский был воспитан на работах немецких представителей теории естественного права — С. Пуфендорфа, Г. В. Лейбница, Х. Вольфа и Х. Томазия, а в области политической экономии — на идеях А. Смита. В России он не только выступил талантливейшим пропагандистом этих идей, прежде всего как профессор столичного Педагогического института, но и перенес их «в организацию финансов русского государства» [17, с. 14].

М. А. Балугьянский не заботился о публикации своих работ. В основном это было связано с нехваткой времени. Лишь «в последние месяцы своей жизни он собирался пересмотреть и привести в порядок свои сочинения о финансах и свои лекции по предметам прав и политической экономии» (см.: [16, с. 86–87]). Однако и это намерение он не успел осуществить. Поэтому его огромное творческое наследие почти не сохранилось. Все же некоторые современники Балугьянского были знакомы с его рукописями. Относительно одной из них — объемного сочинения «Изображение различных хозяйственных систем» бытовало мнение, что именно оно «создало существующую в нашей литературе терминологию политической экономии» [3, с. 83]. С уверенностью можно сказать и то, что именно М. А. Балугьянский заложил основы преподавания политической экономии в Педагогическом институте, а следовательно, и в Санкт-Петербургском университете. Отмечая особую роль Балугьянского в формировании лучших университетских традиций, один из авторов писал в 1891 г., что он «проводил приемы чисто академические просвещенного германского ученого, посеял ту простоту и товарищеские отношения, которые шли вразрез с политикою Магницких» [18, с. 833]. М. А. Балугьянский читал в Педагогическом институте не только курс политической экономии, но платили ему именно и только за этот курс. Можно предполагать поэтому, что преподаванию политэкономии он уделял особое внимание (см.: [1, с. 12]).

Михаил Андреевич был, пожалуй, самой яркой и совершенно незаурядной фигурой не только среди профессоров Педагогического института. Его уникальные, всеобъемлющие знания, благодаря которым в России его называли «кладезь наук» [17, с. 16], высокий профессионализм, огромное трудолюбие сразу обратили внимание российских реформаторов во главе с Александром I. «Созидательное направление, охватившее наших юных русских преобразователей, — писал директор сенатского архива П. И. Баранов, — заставляло их, пользуясь появлением такой энциклопедической личности, черпать в М. А. Балугьянском все те глубоконаучные сведения, которые столь тщательно были уже разработаны европейской цивилизацией... Сколько русских государственных деятелей прошло... школу этого ученейшего наставника» [1, с. 6, 8]. В частности, он был ближайшим сотрудником М. М. Сперанского и министра финансов Д. А. Гурьева. Небезынтересно

отметить и то, что именно М. А. Балугьянский был избран императрицей Марией Федоровной для преподавания политической экономии великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам. Один из учеников М. А. Балугьянского, Иван Петрович Шульгин, учившийся в Петербургском педагогическом институте в 1810–1813 гг., а в 1834 г. ставший ректором Санкт-Петербургского университета, отмечал, что в составление полного свода российских законов огромный вклад внесли бывшие студенты Педагогического института, которые выполняли эту работу под руководством Михаила Андреевича. «С каким прежде жадным вниманием и любопытством теснились они вместе с бывшими товарищами вокруг кафедры, с которой раздавался светлый и увлекательный глагол профессора Балугьянского, с такою же тогда готовностью и усердием окружили они своего прежнего любимого наставника; были верными товарищами и соучастниками его трудов и бдений» [9, с. 21–22].

В своей записке на имя министра финансов Д. А. Гурьева от 22 ноября 1816 г. М. А. Балугьянский отметил: «Под моим руководством образовано и выпущено до 300 воспитанников, из числа которых многие заняли уже профессорские кафедры в различных учебных заведениях Министерства народного просвещения» (см.: [3, с. 12]). Это было написано за 8 лет до конца профессорской карьеры Михаила Андреевича.

\* \* \*

В 1808 г. состоялся первый выпуск студентов Педагогического института. 12 лучших выпускников были посланы за границу для приготовления к профессорскому званию [15, С. XIII]. Среди них был ученик Балугьянского М. Г. Плисов.

В 1816 г. Педагогический институт был преобразован в Главный Педагогический институт. Различие состояло не только в названии: Главный Педагогический институт был наделен целым рядом прав и обязанностей, которыми ранее могли пользоваться лишь университеты (например, право возведения в ученые степени и должности, обязанность готовить профессоров для высшей школы и др.). Между прочим, и зарплата профессоров и преподавателей была при этом повышена в два раза [15, с. XIII–XIV]. В 1844 г. тогдашний ректор Санкт-Петербургского университета профессор П. Плетнев отмечал, что Главный Педагогический институт, существовавший всего два года, представлял «в себе полноту и гармонию Университета» [13, с. 11].

Все же и Главный Педагогический институт еще не был полноценным университетом. Например, он не мог выполнять функцию центра по управлению Санкт-Петербургским учебным округом и некоторые другие функции, которые могли быть прерогативой лишь университета. Как отмечал в своем докладе Александру I в феврале 1821 г. министр духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицын, «многолетние опыты показали необходимость учреждения в здешней столице Университета вместо Главного педагогического института...» (10, с. 428).

В феврале 1819 г. Главный Педагогический институт был преобразован в Санкт-Петербургский университет. Сюда перешли весь личный состав преподавателей и студенты Главного педагогического института [15, с. XV]. Число преподававшихся дисциплин и деление на три факультета также были оставлены без изменения [13, с. 15].

Вначале университетский курс был рассчитан на 3 года. Политэкономия изучали на втором курсе Философско-юридического факультета, деканом которого с 1817 г., когда это был еще факультет Главного педагогического института, был Балугьянский. Вскоре он был назначен и ректором Университета. Чтение курса политической экономии в связи с этим с мая 1820 г. [2, с. 122] было закреплено за М. Г. Плисовым.

В первой половине царствования Александра I, когда формировался профессорский корпус Педагогического института, его внутривполитический курс был весьма либеральным. Поэтому профессорами института стали действительно выдающиеся ученые. В 1819 г. именно они автоматически стали профессорами Санкт-Петербургского университета. Однако, как известно, пожар Москвы в 1812 г. потряс императора настолько, что у него произошел серьезный душевный перелом, выразившийся в том, что он все глубже стал проникаться религиозно-мистическими настроениями и окружил себя такими мистиками, как Жозеф де Местр, с которым любил беседовать, в частности, об орденах иезуитов, и баронесса Крюденель, прославившаяся своими экзотическими пророчествами и, как некоторые полагают, внушившая Александру I идею Священного Союза. Мистическая литература, которой зачитывался император, вдохновляемый своими новыми друзьями, побуждала его направить усилия на то, чтобы жить и править в строгом соответствии со Священным Писанием, игнорируя при этом существующие церкви. Естественно, эти увлечения самодержца не могли не оказать сильнейшего влияния на политику в области народного просвещения. Уже в 1817 г. Министерство народного просвещения было преобразовано в Министерство духовных дел и народного просвещения. Изменилось не только название Министерства, но и общее направление его политики. Суть этого изменения состояла в том, чтобы «сорвать едва окрепшую систему высшего образования, утвержденную университетскими уставами 1804 г., с глубоких корней философского Просвещения XVIII века и перестроить ее на началах политической реакции и мистического обскурантизма» [15, с. XXXVII].

Чтобы создать благоприятные условия для реализации этого курса, новый министр князь А. Н. Голицын, по словам историка А. А. Корнилова, «окружил себя подходящим личным составом „Главного правления училищ“, при котором открыт был еще „Ученый комитет“, а в него попали лица, вроде известного Стурдзы, издавшего за границей памфлет против германских университетов, послуживший там в 1818 г. сигналом гонения на них. Рядом со Стурдзю введены были ханжи и изуверы, вроде Магницкого и Рунича, которые сделались попечителями учебных округов и произвели полный погром только что пущенного в ход при помощи иностранных профессоров дела просвещения» [5, с. 115].

К чести тогдашнего попечителя Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уварова он не поддержал новый курс министерской политики. В письме к своему другу Карлу фон Штейну — прусскому государственному деятелю и советнику Александра I, осуществившему глубокие реформы в различных сферах общественной жизни Германии (в частности, он отменил крепостное право в этой стране), Уваров писал: «Состояние умов теперь таково, что путаница мысли не имеет пределов. Одни хотят просвещения безопасного, т. е. огня, который бы не жег; другие (а их всего более) кидают в одну кучу Наполеона и Монтескье, французские армии и французские книги... бредни Шишкова и открытия Лейбница; словом, это такой хаос криков, страстей, партий, ожесточенных одна против другой, всяких преувеличений, что долго присутствовать при этом зрелище невыносимо; религия в опасности, потрясение нравственности, поборник иностранных идей, иллюминат, философ, франмасон, фанатик и т. п.; словом — полное безумие. Каждую минуту рискуешь компрометироваться или сделаться исполнительным орудием самых преувеличенных страстей» (см.: [15, с. XXXVIII]).

Жизнь показала, что Уваров шел против течения и потому терпел одно поражение за другим. Именно он открыто выступил против нового попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого, осуществившего разгром Казанского университета. В этой борьбе, однако, победил М. Л. Магницкий. Его идея о закрытии Казанского университета

была поддержана министром Голицыным, но Александр I все же не решился утвердить этот план. В свою очередь, проект нового устава Санкт-Петербургского университета, разработанный Уваровым в 1820 г. без учета нового курса политики Министерства, был заблокирован стараниями Магницкого, а также архиепископа Филарета и Рунича. В результате Устав Санкт-Петербургского университета так и не был утвержден.

В начале 1821 г. директор Санкт-Петербургского университета Д. А. Кавелин, отец известного публициста и общественного деятеля К. Д. Кавелина, воспользовался тем, что учащиеся Благородного пансиона при Санкт-Петербургском университете совершили небольшое нарушение дисциплины и написал письмо Уварову, в котором утверждал, что данный инцидент свидетельствует о грубых просчетах в организации учебного процесса и в преподавании общественных наук. В частности, в письме указывалось на необходимость составить для Пансиона такие курсы философии, естественного права, истории и политической экономии, «кои бы не только не противоречили учению Откровения, но, не закрывая мраком лжемудрия, по истине его подтверждали». «Всех ненадежных по совести в сем смысле преподавателей» он предлагал заменить другими по выбору директора, т. е. его самого (см.: [15, с. XLI]).

Уваров весьма критически отнесся к этим предложениям. В частности, он писал министру Голицыну: «...что же касается до того, чтобы основать политическую экономию на Откровении, то я сию мысль не постигаю» (см.: [15, с. XLII]).

В этом противостоянии Голицын принял сторону противников Уварова и последний вынужден был уйти в отставку в июле 1821 г. Кавелин же, одержавший победу, начал искоренять сложившийся в Университете порядок и систему образования. Один из лучших знатоков истории Санкт-Петербургского университета проф. С. В. Рождественский отмечал: «Построенный на началах рационалистической философии XVIII века, этот порядок изображался теперь руководителями Министерства духовных дел и народного просвещения как воплощение самого князя тьмы, „с трактатами философии и с хартиями конституции в руке поставившего престол свой на Западе и желающего быть равным Богу“. Такого порядка нельзя было преобразовывать; его надлежало вырвать с корнем» [15, с. XLIII].

После отставки графа Уварова исполняющим должность попечителя Санкт-Петербургского университета и Петербургского учебного округа был назначен член Главного правления училищ Д. П. Рунич. Вскоре после вступления в должность он поручил директору Петербургского университета и состоявшего при нем Благородного пансиона Д. А. Кавелину взять тайно у некоторых студентов конспекты лекций ряда подозреваемых профессоров и преподавателей. Конспекты поступили в Главное правление училищ, которое, как уже отмечалось, было укомплектовано соответствующими кадрами. Это Правление обвинило профессоров Университета Германа, Раупаха, Галича и адъюнкт-профессора Арсеньева в атеизме, маратизме и робеспьеризме и отстранило их от чтения лекций. В ноябре 1821 г. состоялись 3 заседания университетского суда, на которых председательствовал тот же Рунич и присутствовали Кавелин и Балугьянский. Вся четверка ведущих ученых была признана виновной и уволена из Университета. Вслед за ними добровольно ушли из Университета и некоторые другие профессора. Балугьянскому пришлось покинуть ректорский пост, а в 1824 г. он ушел и с должности профессора.

Эта катастрофа, конечно, была бы невозможна без молчаливой поддержки Александра I. Но великий князь и будущий император Николай Павлович, видимо, хорошо понимал всю нелепость этой истории и вред, который она принесла. В феврале 1824 г., встретив Рунича, он стал благодарить его от себя, от матери и от великого князя Михаила

Павловича за уволенных профессоров, которых они с радостью приняли в патронируемые ими учебные заведения. «Сделайте одолжение, — заявил он ему, — нам очень нужны такие люди, — пожалуйста, выгоняйте их побольше из Университета, у нас для всех найдутся места» (см.: [6, с. 598]).

История с «университетским судом» прославила Рунича. Издевался над ним не только Николай Павлович, но и литераторы. Один из них, А. Ф. Воейков, в своей знаменитой сатире «Дом сумасшедших» (см.: [6, с. 596]) писал:

Други, признаюсь: из кельи,  
Уши я зажав, бежал...  
Рядом с ней на новосельи  
Рунич бегло бормотал:  
«Вижу бесов пред собою;  
От ученья сгинул свет...  
Этой тьме Ньютон виною  
И безбожник Боссюэт!  
Локк запутал ум наш в сети,  
Теллерт сердце обольстил;  
Кантом бредят даже дети,  
Дрекслер нравы развратил!»

За свои заслуги в борьбе с инакомыслием Рунич был назначен попечителем Петербургского учебного округа, но проявил себя как совершенно бездарный администратор. Решения, которые он принимал единолично, без консультаций с профессорским корпусом, были весьма непопулярными и в конечном счете привели Университет к тяжелому финансовому кризису. Одно из таких решений состояло в том, что в 1822 г. Университет был переведен из здания Двенадцати коллегий на Семеновский плац (напротив казарм Семеновского полка), на что ушло много денег и куда было тяжело добираться и студентам, и профессорам, жившим на Васильевском острове. В 1826 г. Николай I отстраняет Рунича от должности попечителя и отдает распоряжение о начале следствия над ним. В «Обзрении состояния Императорского С.-Петербургского университета и его округа по хозяйственной и учебной части за 1826 г.» указывалось, что в результате деятельности Рунича на посту попечителя «Университет лишился одиннадцати профессоров, из коих одни, принужденные обстоятельствами, сами оставили оный, а другие были отставлены» (см.: [15, с. 604]).

Разгром Санкт-Петербургского университета в 1821 г., наряду с некоторыми другими причинами, как отмечается в «Отчете по С.-Петербургскому университету и его округу за 1826 г.», воспрепятствовали ему «возвыситься до такой же степени, на которой находятся другие того же названия учебные заведения в России» (см.: [15, с. 597]). Разрушить всегда легче, чем создать. По словам П. Н. Милюкова, «последствием грозы... была замена лучших профессоров поколением совершенных ничтожностей» [7, с. 287]. Оценивая в целом историческое значение того поворота в политике Министерства народного просвещения, который произошел в последний период царствования Александра I, А. А. Корнилов писал: «Народное...просвещение, сильно двинувшееся было вперед в начале царствования (Александра I. — Л. Ш.), теперь было подавлено, искажено и изуродовано обскурантскими и реакционными мерами клерикалов и изуверов-мистиков» [5, с. 130].

Все это не могло не отразиться и на преподавании политэкономии. После ухода Багрянского, а вслед за ним его ученика М. Г. Плисова (уволен в 1822 г. за поддержку

обвиненных профессоров в ходе «университетского суда»), политэкономии в Университете вплоть до 1835 г. стали преподавать непрофессионалы типа Н. И. Бутырского и А. Н. Никитенко.

- 
1. *Баранов П. И.* Михаил Андреевич Балугьянский. Статс-секретарь, сенатор, тайный советник (1769–1847). Биографический очерк. СПб. 1882. 44 с.
  2. *Давидович Ив.* Плисов Моисей Гордеевич // Русский биографический словарь. Плавильщиков – Примо. СПб., 1905. С. 122–124.
  3. Д. Б. Балугьянский Михаил Андреевич // *Венгеров А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. II. Вып. 23. СПб., 1890. С. 80–83.
  4. *Зябловский Е. Ф.* Историческая повесть об Учительской семинарии и Педагогическом институте до переименования сего в Санкт-Петербургский университет, с присоединением некоторых из предшествовавших учреждений по части народного просвещения. СПб., 1833. 53 с.
  5. *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. М., 1993. 446 с.
  6. *Корсакова В.* Рунич Дмитрий Павлович // Русский биографический словарь. Романова – Рясовский. Пг., 1918. С. 592–601.
  7. *Милоков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 2. М., 1994. 491 с.
  8. О дозволении студентам, кончившим курс учения в бывшем Главном педагогическом институте, представляться к испытанию прямо на степень магистра // Журнал Департамента народного просвещения. 1822. Часть четвертая. СПб., генварь, 1822. С. 26–33.
  9. О начале и постепенном возрастании Императорского С.-Петербургского университета. Читано в торжественном собрании Университета в день открытия его в бывшем здании Двенадцати коллегий 25 марта 1838 г. Ректором Университета И. Шульгиным // Слова и речи, читанные Ректором и профессорами С.-Петербургского университета в день открытия его в бывшем здании Двенадцати коллегий 12 марта 1838 г. СПб., 1838. С. 1–30.
  10. Об открытии С.-Петербургского университета // Журнал Департамента народного просвещения. СПб., 1821. Апрель. Часть первая. С. 428–443.
  11. Обзорение состояния Императорского С.-Петербургского университета и его округа по хозяйственной и учебной части за 1826 г. // Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Том I. 1819–1919 / Под ред. проф. С. В. Рождественского. Пг., 1919. С. 602–624.
  12. Отчет по С.-Петербургскому университету и его округу за 1826 г. // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности... Том I. Пг., 1919. С. 594–602.
  13. Первое двадцатипятилетие Императорского С.-Петербургского университета. Историческая записка, по определению Университетского совета читанная Ректором Университета Петром Плетневым на публичном торжественном акте, 8 февраля 1844 г. СПб., 1844. 227 с.
  14. Похвальное слово Петру Великому, Императору и Самодержцу Всероссийскому, Отцу Отечества, произнесенное в торжественном собрании Императорского С.-Петербургского университета марта 25 дня 1838 г. экстраординарным профессором, доктором философии Александром Никитенко // Слова и речи, читанные Ректором и профессорами Императорского С.-Петербургского университета в день открытия его в бывшем здании Двенадцати коллегий 25 марта 1838 г. СПб., 1838. С. 1–23.
  15. *Рождественский С. В.* «Первоначальное образование» С.-Петербургского университета 8 февраля 1819 г. и его ближайшая судьба // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Том I. 1819–1835. Пг., 1919. С. I–CVI.
  16. Справочный энциклопедический словарь. Изд. К. Крайя. Том 2Б. СПб., 1849. С. 85–87.
  17. *Фатеев А. Н.* Академическая и государственная деятельность М.А.Балугьянского (Балудьянского) в России. Ужгород, 1931. 64 с.
  18. Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1891. Т. IIА.

Статья поступила в редакцию 25 мая 2009 г.